

Записки графа Ланжерона.

Война съ Турціей (1806—1812) ¹⁾.

Переводъ съ французской рукописи, подъ редакціей Е. Каменскаго.

Кампанія 1812-го года.

(1-я часть) ²⁾.

(Окончаніе).

Турки заразили чумой тѣ деревни, въ которыхъ они были расположены, и вскорѣ эта болѣзнь распространилась между жителями, въ видѣ эпидемической лихорадки, жертвой которой умерло много народа. Мы считали себя очень счастливыми (какъ я уже замѣтилъ), что сами избѣжали чумы.

Въ Петербургѣ были очень недовольны, и совершенно резонно, узнавъ о непонятномъ перемиріи, сдѣланномъ Кутузовымъ. Всѣ хотѣли, чтобы онъ заставилъ турокъ сдаться военно-плѣнными. И дѣйствительно, они должны были сдѣлаться ими. Не утвердили также названіе Мусафиръ, данное бѣглымъ изъ Слободзеи. Кутузову приказали отправить ихъ въ Молдавію, онъ нарушилъ свое обѣщаніе, продержавъ этихъ несчастныхъ цѣлый мѣсяцъ въ Руссоде-Веге. Плѣнниковъ этихъ отправили къ Васслони, гдѣ они въ продолженіе 6-ти мѣсяцевъ были изнуряемы страшной работой

¹⁾ См. „Русскую Старину“ іюль 1911г.

²⁾ 2-я часть описанія войны 1812 г. подъ заголовкомъ „Березина“ напечатана въ изборникѣ „Развѣдчикъ“, 1899 г., кн. XII. Редакц. перевод.

и лишеніями, при дурной погодѣ и сильныхъ холодахъ, которыхъ турки не могли переносить.

Ко всѣмъ этимъ ихъ несчастіямъ надо прибавить еще, что никто не заботился ни объ ихъ одеждѣ, ни объ ихъ пищѣ. Имъ давали порціи русскаго солдата, т. е. три фунта ржаного хлѣба и ни кусочка мяса. Въ Руссо-де-Веге изъ нихъ умерло 1.500 человекъ, столько же погибло въ дорогѣ.

Хотя поведеніе Кутузова и было достойно порицанія, такъ какъ онъ совершенно не воспользовался небывалыми успѣхами, которыми онъ обязанъ своему счастью, но мы, свидѣтели происшедшаго, не строго осуждали его, такъ какъ слава новаго блестящаго успѣха могла покрыть его ошибки.

Въ сущности, его офицеры и его армія спасли объ Валахія и плѣнили непріятельскую армію съ 70 пушками. Слава эта относится и къ шефу и, издалека, можно было бы воздать ему честь, но вскорѣ мы увидѣли, что Кутузовъ былъ осужденъ дворомъ такъ же, какъ и тѣми изъ его арміи, которые не были его креатурами. Ему не дали ни чина фельдмаршала, ни ленты Св. Георгія 1-ой степени, которую онъ могъ просить по Статуту. Никто никогда не зналъ содержанія секретныхъ приказаній, которыя онъ получалъ; если они были непріятныя, онъ ихъ пряталъ такъ, что никто не могъ ихъ видѣть, но безъ сомнѣнія они были очень суровы, такъ какъ Императоръ никогда не выносилъ его.

Съ тѣхъ поръ, какъ Кутузовъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, не подписалъ мира на полѣ сраженія, къ сожалѣнію, стало сомнительнымъ, что мы можемъ добиться его тогда, когда мы захотимъ и достаточно выгоднымъ для насъ. Я его предупреждалъ, но онъ мнѣ отвѣтилъ, что я увижу противное; конечно онъ ошибся, и вскорѣ принужденъ былъ обратиться ко мнѣ, чтобы ускорить этотъ миръ, столь желанный нами.

Кутузовъ, по традиціи и по собственному опыту, долженъ былъ знать, что рѣдко отъ турокъ можно было добиться быстрыхъ и выгодныхъ результатовъ. Я уже сказалъ и повторяю еще разъ, что только рѣшительными мѣрами и страхомъ, можно было заставить турокъ быстро окончить войну.

Послѣ того, какъ Кутузовъ далъ имъ время опомниться и далъ возможность французамъ волновать ихъ въ Константинополѣ, онъ долженъ былъ ожидать, что переговоры не такъ скоро кончатся, что между тѣмъ было необходимо для Россіи.

Кутузовъ сдѣлалъ другую ошибку, перенеся конгрессъ въ Бухарестъ, гдѣ онъ долженъ былъ предвидѣть интриги бояръ, а также и г. Ду, который дѣйствительно имѣлъ нѣсколько бесѣдъ съ турецкими уполномоченными и, несмотря на то, что Галибъ-Ефенди не выносилъ французовъ и не довѣрялъ ихъ политикѣ, она могла имѣть на него вліяніе при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ они тогда находились.

Кутузовъ сдѣлалъ бы лучше, если бы оставилъ конгрессъ въ Журжевѣ, но онъ соскучился бы тамъ, такъ какъ находился бы вдали отъ удовольствій, которыя его ожидали въ Бухарестѣ, (мы увидимъ позднѣе, что это были за удовольствія). Таковъ есть и былъ всегда этотъ человѣкъ, котораго природа одарила такимъ умомъ и такою безхарактерностью, и все, чего можно было ожидать, благодаря его качествамъ, было парализовано его недостатками.

Эгоизмъ его былъ возмутителенъ, онъ всѣхъ подчинялъ своимъ удобствамъ и грязнымъ, низкимъ наслажденіямъ. Возвратясь въ Бухарестъ, онъ вскорѣ увидѣлъ, что мирные переговоры не могли быть такъ легко окончены, такъ какъ турецкіе министры перемѣнили тонъ. Послѣ того какъ они, казалось, условились имѣть границею Сереть, они вдругъ не согласились уступить всей Бессарабіи, требуя Измаиль и Килию и утверждая, что имъ необходимо испросить новыхъ инструкцій.

Кутузовъ былъ принужденъ объявить двору обо всѣхъ трудностяхъ, которыя онъ переносилъ. Дворъ остался очень недоволенъ; народъ ворчалъ, Императоръ приказалъ снова произвести наступленіе и начать враждебныя дѣйствія.

Кутузовъ былъ удивленъ такимъ несвоевременнымъ приказаніемъ Императора и предвидѣлъ, что оно могло привести къ гибельнымъ послѣдствіямъ.

Кутузовъ могъ бы дать почувствовать опасность этого предпріятія, но у него не хватило храбрости. Было условлено съ визиремъ, что если начнутъ войну снова, то объ этомъ предупредить его за 20-ть дней. Кутузовъ не исполнилъ этого договора. Казалось, онъ искалъ всевозможныхъ средствъ, чтобы лишить непріятеля уваженія и раздражить его, тогда какъ ладить съ нимъ было гораздо болѣе въ его интересахъ.

Какъ только Кутузовъ мнѣ сказалъ о полученномъ имъ приказаніи снова начать наступленіе, я его спросилъ, долженъ ли онъ былъ ждать 20 дней? Онъ мнѣ отвѣтилъ, что не станетъ ждать и 24-хъ часовъ. Тогда я ему предложилъ тотчасъ же двинуться и взять Рущукъ. Это была очень трудная экспедиція, но единственно полезная, при условіяхъ, въ которыхъ мы находились. Владѣніе

этимъ городомъ, котораго Марковъ не взялъ, а Кутузовъ не хотѣлъ брать, было для насъ чрезвычайно важно.

Если бы промедленіе съ Франціей или другія обстоятельства позволяли намъ сдѣлать новую наступательную кампанію, слѣдовало бы имѣть предмостное укрѣпленіе на Дунаѣ. Лучшее мѣсто для этого моста было въ 5-ти верстахъ ниже Рущука, гдѣ уже былъ построенъ таковой въ 1810 г.; оттуда можно было двинуться въ Болгарію, но невозможно было и думать устраивать предмостное укрѣпленіе, опираясь на городъ. Надо было ожидать, что турки весною размѣстятъ тамъ какой-нибудь гарнизонъ, и тогда взять его штурмомъ было бы также невозможно, какъ и двухъ-мѣсячною осадою; тѣмъ болѣе не имѣя осадной артиллеріи, которую отослали въ Россію.

Конечно, намъ не было основаній удерживать Рущукъ за собой, такъ какъ для его защиты требовалось по крайней мѣрѣ 12.000 человекъ, которыхъ у насъ не было, но слѣдовало еще зимою разрушить городъ до основанія, чтобы не осталось и слѣдовъ строеній и фортификаціонныхъ сооруженій, а въ апрѣлѣ мѣсяцѣ построить предмостное укрѣпленіе, обнесенное палисадомъ и окруженное волчьими ямами.

Если бы рѣшили безусловную оборону, то этимъ самымъ предмѣстнымъ укрѣпленіемъ можно было угрожать туркамъ остановить всѣ ихъ предпріятія, а можетъ быть и заставить ихъ самихъ принять оборонительное положеніе. Это самое я объяснялъ въ запискѣ, которую я послалъ военному министру. Посему, ничто не могло быть болѣе основательнымъ, удобнымъ и менѣе опаснымъ, какъ если бы мы избрали это мѣсто.

Зима, казалось, будетъ суровая, и она дѣйствительно была таковою. Съ 4-го января холода, очень сильныя для Валахіи, предвѣщали намъ, что Дунай скоро замерзнетъ, такъ какъ уже шелъ ледъ.

Рущукъ былъ совершенно открытъ со стороны рѣки, тамъ не было ни рововъ, ни ретраншаментовъ. На всей этой мѣстности было не болѣе 18-ти орудій; правда, всѣ пушки были поставлены побатарейно вдоль рѣки, но эти батареи не были закрыты съ горжи и размѣщены такъ, что если занять городъ, то нечего бояться ихъ огня.

3-го января великій визирь выѣхалъ изъ Рущука въ Шумлу со всей своей свитой и малочисленной кавалеріей, которую онъ держалъ около себя, такъ какъ сильный недостатокъ въ фуражѣ не позволялъ ихъ оставить въ Рущукѣ. Тамъ оставалось только 1.000 человекъ войска. Жителей также было тамъ немного. Никто не ожидалъ атаки, и удивленіе всѣхъ достигло бы высшихъ размѣровъ,

такъ какъ Кутузовъ уже рѣшилъ не сдержать своего слова и совершить подлость, только бы извлечь изъ этого какъ можно больше пользы.

Я ему предложилъ въ недѣлю собрать 7.000 чел. пѣхоты и 1.000 казаковъ и, перейдя Дунай, взять Рушукъ. Я не боялся, что турки узнаютъ мои планы, такъ какъ ледъ шелъ такъ сильно, что перейти рѣку было немислимо.

Мое предположеніе Кутузову объ этой экспедиціи было сдѣлано 4-го января, 12-го Дунай былъ бы перейденъ, а 13-го я былъ-бы въ городѣ, если бы, конечно, имѣлъ дѣло съ рѣшительнымъ начальникомъ, напр., съ Суворовымъ, этотъ бы самъ туда пошелъ.

Но Кутузовъ, по обыкновенію, сталъ употреблять уловки. Онъ мнѣ сказалъ, что это не легкое предпріятіе, что я могу потерять много людей и проч. Изъ этого я хорошо понялъ, что экспедиціи не бывать, но никакъ не могъ ожидать того, что онъ сдѣлалъ.

Между тѣмъ, онъ отправился въ Журжево подъ предлогомъ осмотрѣть, что тамъ дѣлается, хотя это было совершенно лишнее, такъ какъ позиція мнѣ была такъ же хорошо знакома, какъ и всѣ тѣ, которыми я хотѣлъ воспользоваться. Я ему написалъ еще разъ изъ Журжева о томъ, чтобы онъ двинулъ свои войска, но онъ мнѣ не отвѣтилъ. Въ тайну, предложеннаго мною проекта, посвящены были только Кутузовъ, генераль Сабанѣевъ и я. Я не раскрывалъ рта объ этомъ никому, Сабанѣевъ былъ такъ же скромнень, какъ и я; но такъ какъ ничто не было у Кутузова тайной, то я вскорѣ узналъ, что весь городъ Бухарестъ говоритъ объ этой экспедиціи.

Боснякъ былъ предувѣдомленъ, и съ 16 января мнѣ не трудно было замѣтить, что у турокъ приняты предосторожности.

Я видѣлъ, какъ чистились батареи, пополнялись людьми, и узналъ, что Боснякъ привелъ вооруженныхъ жителей сосѣднихъ деревень, изъ которыхъ онъ формировалъ патрули и даже самъ проводилъ ночи вооруженнымъ ¹⁾).

---

¹⁾ Одинъ грекъ, мошенникъ, посланный французскимъ консуломъ г. Ду въ Константинополь, прошелъ тѣмъ временемъ въ Систово противъ моей воли, по имѣя разрѣшеніе отъ Кутузова, крайне неосторожное, при тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы находились. Грекъ пошелъ изъ Систова въ Рушукъ, куда прибылъ 15-го, а 16-го я замѣтилъ работы Босняка. Я убѣжденъ, что этотъ шпіонъ былъ посланъ нарочно, чтобы его предупредить. Я предлагалъ нѣсколько разъ, но бесполезно, задерживать курьеровъ Наполеона; ничего не было легче сдѣлать это. Я бы переслалъ 20 казаковъ арнаутами, и они бы поймали ихъ съ другой стороны Дуная въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Рушука.

Теперь уже нельзя было надѣяться на возможность внезапно взять Рушукъ, но все же можно было овладѣть имъ силою, увеличивъ для сего число войскъ, предназначенныхъ мною раньше.

Я могъ собрать 11.000 чел., конечно были бы и нѣкоторыя потери, но положеніе этого города было для насъ такъ важно, что можно было купить его хоть дорогой цѣной. Я написалъ обо всемъ Кутузову; полное молчаніе!

Наконецъ, 2-го февраля, онъ мнѣ прислалъ приказъ крайне хитрый и запутанный, на что я ему отвѣтилъ довольно сухимъ рапортомъ. Я совершенно отказывался отъ предполагаемой экспедиціи и отъ всей корреспонденціи съ нимъ по этому поводу.

Я былъ бы весьма радъ, если бы онъ на этомъ покоячилъ, но онъ, по своей безхарактерности, желалъ сдѣлать видъ послушнаго приказаніямъ Двора, не избѣгая опасности, и имѣть случай написать реляцію, не рискуя сраженіемъ. Онъ приказалъ генералу Тучкову двинуться изъ Измаила въ Бабадагъ, графу Ливену выдти изъ Галаца, генералу Гартингу идти въ Силистрію, а если возможно, то и до Шумлы и, наконецъ, генералу Булатову занять Систово. Тучковъ, придя въ Бабадагъ, ничего тамъ не нашелъ, Ливень тоже не встрѣтилъ никого по дорогѣ и вернулся въ Галацъ, но Тучковъ съ однимъ баталіономъ, полкомъ казаковъ, болгарами и нѣсколькими некрасовцами, бѣжавшими отъ Пегливана, достигъ Манголи, на Черномъ морѣ, отправилъ свои партіи въ Базарджикъ, напалъ тамъ на провіантскій транспортъ, посланный въ Шумлу и захватилъ турецкаго начальника или Агу съ 700 или 800 чел. солдатъ или вооруженныхъ жителей.

Если даже его экспедиція не была особенно полезна, то по крайней мѣрѣ онъ выказалъ много дѣятельности и энергіи. Зайдя такъ далеко, экспедиція эта внушила нѣкоторый страхъ туркамъ.

Возвращаясь, Тучковъ нашелъ ледъ на Дунаѣ растаявшимъ, и онъ переѣхалъ черезъ него въ лодкахъ со всѣми своими плѣнниками и громадной добычей.

Гартингъ окончилъ разрушеніе Силистріи и уничтожилъ ее до основанія съ помощью жителей Калараша. Затѣмъ онъ двинулся по дорогѣ на Разградъ, но побоялся идти дальше, такъ какъ Дунай дѣлался непроходимымъ.

Наступленіе Булатова на Систово наложило тяжелое пятно какъ на Кутузова, отдавашаго это приказаніе, такъ и на дежурнаго штабъ-офицера полковника Кайсарова, посовѣтовавшаго произвести это наступленіе, такъ и на Булатова, исполнившаго его.

Систово расположено противъ Зимницы, гдѣ была учреждена таможня, и всѣ купцы изъ Бухареста, полагаясь на слово Кутузова

и основываясь на перемиріи, а главное на учрежденіе этой зимницкой таможи, всѣ товары свои сложили въ Систовѣ. Еще за три дня до экспедиціи Булатова, разные товары: кофе, хлопокъ, шали, кисея и т. д. подвозились туда со всѣхъ сторонъ, и таковыхъ набралось тамъ болѣе чѣмъ на 3 милліона.

Командовалъ войсками въ Систовѣ молодой ага, бывшій начальникомъ въ Мачинѣ. Этотъ ага въ январѣ мѣсяцѣ выступилъ изъ Систова и направился на Ловчу и Плевну, такъ что въ Систовѣ осталось не болѣе 20-ти вооруженныхъ, бывшихъ подъ вѣдѣніемъ стараго турка Ахмета, котораго я знаю еще съ Аккермана, гдѣ онъ долго жилъ у меня какъ заложникъ, а затѣмъ какъ толмачъ, такъ какъ прекрасно говорилъ по-русски. Онъ былъ взятъ въ Слободзеѣ, но Кутузовъ возвратилъ его визирю, къ которому онъ былъ очень привязанъ.

Остальные жители Систова состояли изъ купцовъ, которые пріѣхали, вѣря обѣщаніямъ таможенныхъ чиновниковъ, и помѣстились въ полусгорѣвшихъ домахъ, ими отремонтированныхъ.

12-го апрѣля, на разсвѣтѣ, генералъ Булатовъ вошелъ въ Систово съ 2-мя баталіонами Вятскаго полка, однимъ Старооскольскаго, однимъ 29-го егерскаго и съ казаками Мельникова и Кутейникова. Онъ не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія; жители воображали, что онъ только проходитъ Систово, чтобы идти дальше, но они были жестоко обмануты! Булатовъ, Кушниковъ, братъ сенатора и командующій Вятскимъ полкомъ, Кайсаровъ, который участвовалъ въ экспедиціи, надѣясь получить чинъ генерала, волонтеры и казаки бросились на этихъ несчастныхъ жителей, ограбили ихъ, захватили всѣ ихъ товары, ихъ всѣхъ отправили въ Зимницу со всѣми ихъ дѣтьми и женами, съ которыми обращались очень скверно, и оставили ихъ на берегу Дуная, вслѣдствіе чего, большинство отморозило себѣ руки и ноги. Въ три часа все, что было въ Систовѣ, исчезло.

Булатовъ, корыстолюбивый и алчный, не забылъ себя въ этомъ ужасномъ грабежѣ, а сопровождавшіе его выказали себя достойными его. Кутейниковъ, Мельниковъ и Кушниковъ составили себѣ значительное состояніе. Солдаты также много награбили, но на другой же день пропили все.

Послѣ этой блестящей экспедиціи, во время которой Булатовъ имѣлъ низость дать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, дабы можно было сказать, что онъ встрѣтилъ сопротивленіе и принужденъ былъ сражаться, онъ вернулся въ Турно, взялъ одинъ баталіонъ Олонецкаго полка и, перейдя снова Дунай, появился 5-го утромъ у деревни Гуліанце, въ 5-ти верстахъ отъ Дуная и въ 10-ти отъ Ни-

кополя. Въ этой деревнѣ находился редутъ, занятый 200 турокъ, подъ командою Али-Паши. Отрядъ этотъ былъ въ зависимости отъ Виддинскаго Мулы-Паши. Булатовъ, не принявъ никакой предосторожности, а довѣряясь рассказамъ одного тамошняго жителя, что ровъ этого редута не глубокъ, не задумался штурмовать его. Онъ атаковалъ редутъ съ трехъ сторонъ, но, проходя черезъ сады, войска разбрелись, атаковали не дружно и не могли перейти ровъ. Четверть часа спустя, Булатовъ принужденъ былъ вывести своихъ людей, послѣ того какъ совершенно бесполезно было убито 6 офицеровъ и 130 солдатъ. Тогда какъ 200 турокъ, бывшіе въ редутѣ, оставили его и ушли. У нихъ было 12—15 раненыхъ, въ томъ числѣ Али-Паша, который умеръ отъ ранъ въ Виддинѣ.

Тогда Булатовъ разрушилъ редутъ, уничтожилъ подземные погреба, которые тамъ были, сжегъ деревню и увелъ ее жителей, а также и жителей двухъ другихъ деревень, находящихся по дорогѣ, которые имѣли при себѣ охранные листы, выданные имъ графомъ С.-При и генераломъ Турчаниновымъ.

Булатовъ возвратился въ Зимницу весьма опечаленный тѣмъ, что оттепель помѣшала ему продолжать его столь славные подвиги!

Я не краснѣю, описывая его разбойничества въ Систовѣ и неудачу Гуліанце, также какъ и генераль Кутузовъ не краснѣлъ, представляя это дѣло Двору, какъ грандіозный триумфъ, прося награды офицерамъ, которые въ немъ участвовали. Но правда вскорѣ обнаружилась. Нѣсколько несчастныхъ купцовъ изъ Бухареста, разоренные послѣ грабежа ихъ товаровъ, хотѣли черезъ печать довести до свѣдѣнія публики справедливыя свои требованія, но газеты задержали ихъ жалобы. Приближенные Кутузова краснѣли за него и за Кайсарова, а самъ Кутузовъ, испугавшись результатовъ, могущихъ послѣдовать изъ-за этихъ жалобъ, имѣлъ хитрость исключить изъ донесеній просьбу купцовъ и, казалось, былъ сконфуженъ тѣмъ, что принималъ участіе въ такомъ дѣлѣ, которое было оцѣнено по достоинству.

Положеніе великаго визиря въ Шумлѣ, въ продолженіе всей зимы, было чрезвычайно опасно и, если бы онъ имѣлъ передъ собой предприимчиваго генерала, безусловно онъ потерялъ бы Руцукъ, а можетъ быть даже и Шумлу, которую потерять зимой было бы легче, нежели лѣтомъ. Въ Шумлѣ было не болѣе 3.000 вооруженныхъ людей.

Отрядъ русскихъ въ 1.200 чел., легко собранный въ Журжевѣ въ 6 дней, могъ сначала взойти въ Руцукъ и оттуда продолжать свой походъ на Шумлу, не встрѣчая ни малѣйшаго препятствія, такъ какъ таковыми нельзя было считать два или три

редута въ Кадыкію въ 15-ти верстахъ отъ Рущука, гдѣ находился Джуръ Гассанъ съ 200 или 300 турокъ.

Эта экспедиція въ Шумлу не потребовала бы болѣе 10 дней. Нѣсколькихъ простыхъ саней, запряженныхъ полковыми лошадьми, было бы достаточно, чтобы свезти необходимый провіантъ и фуражъ.

Великій визирь увѣрялъ, что никогда онъ не проводилъ зимы болѣе ужасной. Онъ ежеминутно ожидалъ нашего наступленія, которое, безъ сомнѣнія, предпринялъ бы самъ, если бы былъ командующимъ нашими войсками.

Но еще болѣе изумительно было, что Кутузовъ въ свою очередь, имѣлъ тѣ же опасенія. Принятія имъ предосторожности и выказанныя безпокойства были такъ комичны и смѣшны, что могли удивить тѣхъ, кто его не знаетъ.

Во время пребыванія своего въ Бухарестѣ, Кутузовъ, не стѣсняясь болѣе ничѣмъ, предавался самому постыдному безпутству.

Онъ до такой степени забылъ стыдъ и приличіе, что публично увезъ отъ мужа ту маленькую валашку 14 лѣтъ, о которой я уже говорилъ. Ее звали М-ше Гуліани¹⁾.

Она сдѣлалась его фавориткой; каждый вечеръ она приходила къ нему, и онъ относился къ ней въ присутствіи всѣхъ съ такой фамильярностью, которая переходила всѣ границы пристойности и вооружала противъ себя всѣхъ честныхъ людей, которые были принуждены ходить къ нему.

Когда же онъ бывалъ приглашенъ на обѣдъ куда-нибудь, онъ считалъ себя въ правѣ приводить съ собою М-ше Гуліани, а послѣ обѣда онъ запирался съ ней въ отдѣльной комнатѣ.

Валахскій вице-президентъ Г. Кумено имѣлъ неосторожность пригласить къ себѣ обѣдать, вмѣстѣ съ этой счастливой парочкой, другихъ дамъ и генераловъ, но всѣ гости, кромѣ Кутузова, вскорѣ принуждены были оставить его домъ.

На балахъ, въ клубахъ, во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ можно было видѣть эту маленькую безстыдницу около Кутузова.

¹⁾ Это похищеніе было произведено днемъ; совершилъ его г. Коронелли, о которомъ я уже говорилъ, и котораго мы называли болеарскимъ королемъ, онъ былъ дѣйствительно назначенъ для этого. М-ше Гуліани вышла отъ мужа, и Коронелли ее сопровождалъ съ каретой Кутузова, онъ посадилъ въ нее молодую женщину, уложилъ ея вещи и отправилъ въ приготовленный для нея домъ. Самъ же онъ слѣдовалъ за каретой пѣшкомъ.

Часто она усаживалась на руки къ своему 70-ти лѣтнему любовнику, играла его аксельбантами и позволяла себѣ цѣловать его, помирая со смѣху ¹⁾).

Интимное общество состояло изъ людей, соотвѣтствовавшихъ нравамъ и обычаямъ его дома. Вотъ кто были его повѣренныя, его избранныя, его лучшіе друзья:

1) Мать М-те Гуліани (М-те Варканеско), которая тайно учила дочь тому, что она должна была знать, чтобы возбуждать истощенныя чувства генерала, а затѣмъ приходила пользоваться результатами своихъ уроковъ.

2) Угодникъ Кутузова по имени Коронелли, самый глупый и низкій изъ всѣхъ этихъ недостойныхъ, составлявшихъ это стадо.

3) Другой — грекъ Баротци, который въ теченіе 30 лѣтъ состоялъ въ департаментѣ иностранныхъ дѣлъ какъ шпионъ и такимъ былъ посланъ военнымъ министромъ въ Константинополь, подъ предлогомъ обмѣна плѣнниковъ.

Это былъ человекъ чрезвычайно ловкій, пронырливый и дѣятельный, который иногда прекрасно судилъ о людяхъ и вещахъ. Кутузовъ его приласкалъ, и онъ оставилъ свои занятія, чтобы остаться при нашей главной квартирѣ.

4) Итальянецъ — Боглюко, медиумъ и антрепренеръ клуба; раньше онъ былъ извѣстенъ какъ банкиръ изъ Архипелага, потомъ банкротъ, позднѣе воръ, приговоренный къ повѣшенію.

5) Жена этого Боглюко, вышедшая изъ самаго низкаго класса Бухареста и бывшая на содержаніи у одного изъ адъютантовъ Кутузова—Кайсарова.

6) Грекъ—Юрри, о которомъ я уже писалъ.

7) Полякъ—Ходкевичъ, явный плутъ, который самъ хвастался этимъ. Съ молодыхъ лѣтъ, играя самымъ мошенническимъ образомъ, онъ приобрѣлъ скромное состояніе. Затѣмъ онъ примкнулъ къ французскимъ республиканцамъ, принималъ участіе во всѣхъ мерзостяхъ, которыми оскверняли себя якобинцы, и совершалъ ужасныя преступленія въ Италіи. Онъ хвастался тѣмъ, что самолично пыталъ и казилъ дворянъ и священниковъ въ Неаполѣ. Онъ былъ управляющимъ имѣніемъ Кутузова; жена его, по счету седьмая, была очень красива, и черезъ нее онъ приобрѣлъ протекцію стараго генерала. Въ Бухарестъ онъ пріѣхалъ подъ предлогомъ дать

---

¹⁾ (1827) М-те Гуліани, разведенная съ своимъ мужемъ, вѣнчалась съ грекомъ, секретаремъ при русской миссіи въ Константинополь, по имени Левенди (Levendi).

отчетъ Кутузову и помѣстить на службу своего сына, въ сущности же для того, чтобы обыграть и обобратъ валаховъ и русскихъ. Только спустя два мѣсяца, Кайсарову и мнѣ удалось отдѣлаться отъ него и то только благодаря тому, что онъ имѣлъ неосторожность играть съ русскими офицерами, и Кутузовъ, опасавшійся, чтобы Императоръ, всегда питавшій отвращеніе къ игрѣ, не былъ бы недоволенъ имъ, что онъ такъ приблизилъ къ себѣ этого мошенника.

Ходкевичъ уѣхалъ съ 12.000 дукатовъ, которые онъ высосалъ у валаховъ.

8) Наконецъ, къ сожалѣнію, я долженъ помѣстить въ числѣ этихъ недостойныхъ приближенныхъ Кутузова и генерала Сергѣя Рѣпинскаго, человѣка умнаго, любезнаго, хорошаго тона, совсѣмъ негодившагося для такого общества, но онъ стремился сдѣлаться вице-президентомъ Дивана-Валахія, вмѣсто Койтено, который былъ назначенъ въ Польшу, въ армію князя Багратиона.

Въ этой-то тинѣ завязъ 68-лѣтній старикъ, украшенный всѣми русскими орденами, и среди такого грязнаго общества проводилъ онъ свои досуги.

И этотъ пьянствующій, безпутный старикъ внушалъ полное отвращеніе. Къ такому непріятному чувству, которое Кутузовъ заслуживалъ, благодаря своему поведенію, примѣшивались и опасенія, возникавшія вслѣдствіе подобнаго союза и вліянія, достойнаго осужденія, которое имѣли на него всѣ эти субъекты. Онъ не могъ ничего отказать своимъ паразитамъ; они располагали всѣми мѣстами, всѣми милостями.

М-те Гуліани за 3.000 дукатовъ возвела на мѣсто каймакана (намѣстника визиря или генераль-губернатора Малой - Валахія) одного графа Дудетцло, извѣстнаго въ Валахія за весьма дурного человѣка и даже опаснаго по своимъ взглядамъ и сношеніямъ, и который во времена князя Иисиланти долженъ былъ бы быть казнѣнъ за перехваченную корреспонденцію съ Пасванъ-Оглы, достойную полнаго осужденія.

М-те Гуліани также дала должность шефа полиціи въ Бухарестѣ своему двоюродному брату, одному Филипеско, шпіону, извѣстному туркамъ.

Такимъ образомъ раздавались и другія мѣста. Кабинетъ и канцелярія Кутузова были центромъ всѣхъ витригъ.

Преступный и грѣшный старикъ былъ осажденъ всѣми этими индивидуумами, которые старались овладѣть его довѣріемъ, и стоило

имъ достигъ желаемаго, какъ они его обманывали самымъ безбожнымъ образомъ.

Одинъ князь Горчаковъ, довольно симпатичный поэтъ, но человекъ неимѣющій никакого понятія о послѣдовательной работѣ, весьма продажный и интересантъ, прибылъ недавно изъ Петербурга, чтобы управлять гражданской канцеляріей. Ничего не дѣлалъ и, не имѣя никакой опытности въ дѣлахъ, онъ только запутывалъ все и пользовался всѣми.

Кутузовъ, замѣтивъ его, рассказалъ мнѣ о немъ; я ему посоветовалъ прогнать его, но онъ отвѣчалъ: „пожалуй, мнѣ пришлютъ еще худшаго“ (быть можетъ, онъ былъ правъ).

Каждый изъ его приближенныхъ шелъ къ одной цѣли. Это была надежда на хорошее мѣсто или на основательное содержаніе.

Кайсаровъ, сначала адъютантъ,—а затѣмъ дежурный полковникъ, стремился сдѣлаться вторымъ Закревскимъ. Онъ былъ очень умный, энергичный и способный человекъ, но имѣлъ непомерную амбицію. Въ общемъ онъ не заслуживалъ того, чтобы быть смѣшаннымъ со всѣми этими господами. Къ сожалѣнію, благодаря своему положенію, онъ слишкомъ близко соприкасался съ ними, но его нельзя было назвать ни гадкимъ, ни низкимъ, ни неделикатнымъ.

Баротци хотѣлъ играть главную дипломатическую роль и погубить г.г. Фонтонъ, которыхъ онъ публично осуждалъ за то, что они продались туркамъ и получили бы значительную сумму денегъ, если бы имъ удалось сократить границы.

Корнеги хотѣлъ быть генеральнымъ консуломъ въ Бухарестѣ на мѣсто Кирикова.

Юрри хотѣлъ быть агентомъ мирнаго конгресса, благодаря содѣйствію Чапанъ-Оглы и Вели-Паши.

Онъ всего касался и всюду вмѣшивался, но все, что ни дѣлалъ, было весьма разумно.

Сергѣй Рѣпинскій (какъ я уже говорилъ) хотѣлъ сдѣлаться вице-президентомъ Валахій и сдѣлался имъ.

Противъ всей этой громадной шайки боролся только одинъ генералъ Сабанѣевъ съ энергіей и прозорливостью, но безъ успѣха. Черзчуръ откровенный, гордый, опрометчивый и грубый въ своихъ сужденіяхъ, онъ только раздражалъ Кутузова, вмѣсто того, чтобы напоминать ему объ его лѣтахъ и положеніи.

Это былъ не такой человекъ, который могъ бы образумить и направить своего шефа. Кутузовъ, въ свою очередь, ненавидѣлъ его, но боялся и щадилъ, какъ товарища военнаго министра.

Съ Сабанѣвымъ были солидарны всѣ честные люди, и всѣ стремились дѣлать добро, Фонтонъ, Галинскій, Булгаковъ, директоръ дипломатической канцеляріи и я—потерявшій весь свой кредитъ и покровительство послѣ дѣла подъ Рущукомъ.

Въ этомъ гадкомъ кабакѣ не хватало генерала Маркова, но онъ не замедлилъ явиться. Имѣя на Кутузова, который его отлично зналъ, громадное вліяніе, и такъ какъ его дивизія принадлежала къ арміи князя Багратіона, который его ненавидѣлъ и презиралъ, Марковъ рассчиталъ, что онъ гораздо лучше устроить свои дѣла съ Кутузовымъ. Несмотря на общественное мнѣніе, онъ добился того, что былъ посланъ въ Малую Валахію, на мѣсто Засса, который, можетъ быть по неудовольствіямъ, или благодаря тому, что, наживъ себѣ состояніе, не хотѣлъ себя компрометтировать, стремился оставить армію и подъ предлогомъ болѣзни, скорѣе притворной, чѣмъ дѣйствительной, отпросился уѣхать на нѣкоторое время въ Одессу.

Въ случаѣ войны, оставалось только одно вѣрное средство потерять Малую Валахію, это не задержать Засса и отправить туда Маркова, что Кутузовъ и не замедлилъ сдѣлать.

Марковъ, желая этого мѣста, обѣщалъ себѣ во всемъ слѣдовать примѣру Засса, касательно финансовыхъ вопросовъ, но ему пришлось только подбирать колосья, такъ какъ жатва была уже собрана. Онъ скопилъ только 2.000 дукатовъ, но этого было мало, онъ былъ опечаленъ и даже жаловался.

Зимою правленіе въ Валахіи еще разъ измѣнилось; кромѣ народа, жалобы несчастныхъ валаховъ и, наконецъ, угроза, что если оставить администрацію такою, какою она была, то страна будетъ совершенно разорена, и армія, не имѣя продовольствія, принуждена была насильно произвести эту перемѣну, которой и я сильно способствовалъ. Вестіаръ-Самуркашъ, во время своего управленія, занимался такими грабежами и совершалъ такія преступленія, что оставить его на мѣстѣ не было возможнымъ. Такое наказаніе совершенно удовлетворяло строгой справедливости русскихъ. Французы и англичане подвергли бы такого Самуркаша очень строгому наказанію, котораго онъ и заслуживалъ вполнѣ.

Онъ продавалъ мѣста чиновниковъ грекамъ, которые воображали, что имъ все разрѣшено.

Несчастные валахскіе крестьяне были такъ жестоко преслѣдуемы, что большинство спасалось въ Трансильванію.

Неоднократно видѣли, какъ исправники клали женщинъ на угли и бичевали дѣтей для того, чтобы отобрать тѣ небольшія деньги,

которыя у нихъ оставались, въ то время, какъ отцы и мужья ихъ были въ отсутствіи.

Одинъ свѣтскій господинъ, Фроловъ-Багрѣевъ, человекъ небогатый, но очень честный, былъ назначенъ для изслѣдованія поведенія назначенныхъ туда чиновниковъ. Онъ выказалъ много энергіи, честности и прямоты, ярко освѣтивъ всѣ сдѣланныя ими преступленія.

За всѣ эти злодѣянія, наказаніе было—потеря мѣста, но многіе остались. Кутузовъ выказалъ въ этомъ случаѣ равнодушіе, достойное осужденія.

Мы всегда полагали, что явная протекція, которую оказывалъ сенаторъ Милашевичъ Самуркашу, происходила оттого, что тотъ заблуждался относительно его, и что упрямство, бывшее главной причиною его характера, замкнутого и ограниченнаго, мѣшало ему отказаться отъ своихъ предубѣжденій.

Но вскорѣ мы имѣли случай убѣдиться, что протекція его имѣла другіе мотивы, тѣмъ болѣе, когда мы увидали, что онъ снова назначаетъ къ себѣ того самого Крупинскаго, который сдѣлалъ такую большую ошибку при Кушниковѣ, и оказываетъ ему свое довѣріе.

Милашевичъ пріѣхалъ въ Бухарестъ для того, чтобы защитить дорогаго Самуркаша, но не имѣлъ успѣха. Это былъ единственный случай, гдѣ Кутузовъ выказалъ немного твердости.

Новая администрація нашла страну совершенно разоренной 500.000 піастрами долга, заплатить который она была не въ состояніи, а также не могла удовлетворить нуждамъ войскъ, въ случаѣ войны.

Генераль Койтено, уѣзжая въ армію князя Багратіона, передалъ свое мѣсто вице-президента Валахія—генералу Сергѣю Рѣпнинскому.

Тѣмъ временемъ получилась новая организація русской арміи. Власть главнокомандующаго значительно расширена; онъ имѣлъ право награждать орденами: Владиміра 4-й степени, Св. Анны 3-й и 4-й степени и даже Св. Георгія 4-й степени и золотой саблей. Онъ могъ производить до чина капитана и наказывать смертною казнью даже полковника (по суду), но и отвѣтственность его равнялась его власти, и самъ онъ подчинялся тѣмъ же наказаніямъ, которыя онъ могъ налагать на другихъ. Въ качествѣ помощника ему назначенъ начальникъ полевого штаба, который имѣлъ въ своемъ распоряженіи дежурнаго генерала и начальника главной квартиры. Въ случаѣ же болѣзни или смерти главнокомандующаго начальникъ по-

левого штаба вступалъ въ командованіе до прибытія новаго главнокомандующаго. Ему были подчинены другіе генералы, даже старше его.

Эта единственная статья въ новомъ законѣ, которая порицалась всѣми, такъ какъ могла повлечь за собой много злоупотребленій и причинить массу непріятностей старшимъ генераламъ.

Остальная часть новой организаціи походила на организацію французской арміи и была моделью порядка и предосторожности. Находимъ, не безъ основанія, что назначенныхъ начальниками главныхъ квартиръ было слишкомъ много. Но чѣмъ ихъ больше, тѣмъ было лучше для арміи.

Ужасныя злоупотребленія въ госпиталяхъ, наконецъ, обратили на себя вниманіе военнаго министра, который прислалъ изъ Петербурга ревизоровъ, понизившихъ всѣ цѣны на 45%.

Генераль Сабанѣевъ, дѣйствуя въ этомъ же направленіи, понизилъ ихъ до 40%; но чтобы достигъ такого результата, онъ долженъ былъ бороться со всей канцеляріей Кутузова и съ комиссаріатомъ.

Служащіе въ этихъ двухъ департаментахъ относились несочувственно къ честности дежурнаго генерала и находили его манеру обращенія съ ними непріятной. Присылка ревизоровъ изъ Петербурга была сильнымъ оскорбленіемъ для Кутузова.

Турецкіе плѣнники, число которыхъ уменьшилось почти на половину, отправлены были наконецъ въ Россію, какъ я это и предвидѣлъ.

Чананъ-Оглы получилъ разрѣшеніе остаться въ Бухарестѣ, гдѣ онъ пользовался общимъ уваженіемъ и снисхожденіемъ, что вполне заслужилъ, благодаря своей храбрости, твердости и благородству.

Этотъ молодой человекъ выказалъ большую твердость характера. Онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ со всѣми нами, полюбилъ наши нравы и обычаи, наше войско, и, казалось, хотѣлъ сказать, что если бы онъ могъ такъ обучить и дисциплинировать 12.000 чел. турокъ, какъ обучено нами войско, онъ себя объявилъ бы независимымъ и презиралъ бы всю имперію Оттомановъ.

Во время зимы, война съ Наполеономъ, которой давно уже нужно было ожидать, казалось, была готова разгорѣться, и это потребовало съ нашей стороны громадныхъ приготовленій.

Всѣ наши войска собирались на зимнія квартиры въ Польшѣ, и весь Петербургскій гарнизонъ и даже гвардія направились къ западнымъ границамъ.

Единственная наша, молдавская, хотя и не очень сильная, армія не трогалась еще съ мѣста.

Французскія войска и войска Рейнскаго союза также подвигались къ Польшѣ.

Тогда миръ съ турками сдѣлался еще менѣе вѣроятнымъ, и положеніе наше въ Валахіи стало очень критическимъ.

Въ переговорахъ, турецкіе министры выказали себя гораздо политичнѣе нашихъ; Галибъ-Ефенди и князь Мурузи были куда болѣе дипломаты, чѣмъ Италинскій и Сабанѣевъ.

Они до такой степени взяли надъ нами верхъ, что мы имѣли видъ побѣжденныхъ и просящихъ у нихъ мира, а не побѣдителей, диктующихъ имъ его.

Мы были весьма удивлены, узнавъ, въ мартъ мѣсяцъ, о пріѣздѣ въ Бухарестъ секретаря шведскаго посольства въ Петербургъ, г. Химмель, и услышавъ, что Швеція соединилась съ нами и съ Англіей, несмотря на наше поведеніе и провинности относительно нея и потери половины ея территорій въ 1808 г., и что г. Химмель ѣхалъ въ Константинополь, чтобы согласно съ англійскимъ министромъ заставить турокъ заключить съ нами миръ.

Генераль Кутузовъ назначилъ сопровождать его въ Константинополь полковника нашего главнаго штаба, князя Рошешуарта. Это былъ человекъ умный и очень образованный ¹⁾.

Нашъ генераль поручилъ ему дѣлать по возможности больше замѣтокъ политическихъ и военныхъ во время его путешествія.

Онъ отлично исполнилъ приказанія Кутузова и привезъ намъ свои записки, весьма любопытныя и пространныя, которыя я присоединилъ къ этому тому въ юридическихъ статьяхъ, я помѣщу тамъ и другія относительно Трансильваніи ²⁾.

Если бы, какъ я уже замѣтилъ, не постоянное счастье Россіи, а также и Кутузову, торжествовавшему во всѣхъ обстоятельствахъ, а тѣмъ болѣе въ ошибкахъ, поминутно увеличивавшихся и въ такое время, когда каждая изъ нихъ могла повлечь за собой гибель Имперіи, миръ никогда бы не былъ заключенъ.

Но турецкіе министры, несмотря на ихъ старанія, несмотря на

¹⁾ 1827. Князь Рошешуартъ былъ убитъ въ сраженіи при Брієннѣ въ 1814 г., имѣя не болѣе 27 лѣтъ.

²⁾ 1827. Главный штабъ войскъ имѣетъ еще другія записки о переходѣ черезъ Балканы вдоль Чернаго моря, капитана главнаго штаба Берга, теперь дѣйствительный статскій совѣтникъ и attaché при миссіи въ Константинополь.

данный имъ—столь неполитичный приказъ снова начать непріязненныя дѣйствія, исполненный еще болѣе неполитично Кутузовымъ, турки, говорю я, не только не закрыли конгресса, но даже не увеличивали своихъ требованій. Съ каждымъ днемъ они все болѣе держались своихъ условій; но мало-по-малу они уступали границу Прута. Было опасно терять время, какъ для войны, такъ и для политики. Наполеонъ потерялъ очень много самаго дорогого времени, отправивъ слишкомъ поздно Андреосси въ Константинополь, и этотъ посредникъ потерялъ еще болѣе дорогое время, путешествуя какъ черепаха.

Въ апрѣлѣ мѣсяцъ гроза, которая должна была разразиться надъ Россіей, гремѣла уже. Не было сомнѣній въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ намъ Наполеона, а желанный миръ все еще не былъ заключенъ.

Мы узнали, что Кутузовъ былъ замѣщенъ адмираломъ Чичаговымъ. Выборъ этотъ насъ озадачилъ; тогда мало кто изъ насъ зналъ его; когда же мы познакомились съ нимъ, изумленіе наше было очень велико.

Кутузовъ былъ въ отчаяніи предоставить Чичагову заключать миръ, что могъ бы совершить онъ самъ гораздо раньше. Онъ понялъ свои ошибки, раскаивался въ нихъ и находился въ ужаснѣйшей ажитации. Но счастье и тутъ помогло ему. Императоръ вспомнилъ (хотя довольно поздно) о моемъ разговорѣ съ великимъ визиремъ и согласился на Прутѣ, собственноручно извѣстивъ объ этомъ секретнымъ образомъ Кутузова.

Тогда Кутузовъ не далъ ни минуты покоя посредникамъ и, къ нашему большому удивленію и радости, миръ былъ заключенъ Кутузовымъ въ концѣ апрѣля, тремя днями раньше пріѣзда Чичагова, который могъ бы имѣть честь сдѣлать то же, если бы пріѣхалъ скорѣе. Повторяю, что этотъ миръ былъ и будетъ для меня загадкой ¹⁾.

¹⁾ (1827). Для разъясненія этой загадки, я имѣлъ 10 лѣтъ, послѣ того, какъ я писалъ этотъ журналъ, и признаюсь, я бы никогда не могъ отгадать ее, если бы мнѣ не помогли. Греческіе князья Фанарь, эмигрировавши въ 1826 году въ Одессу, сообщили мнѣ, что миръ этотъ былъ плодомъ ихъ работы. Они боялись, что если бы война принудила бы насъ употребить противъ турокъ большую часть нашихъ войскъ, столь необходимыхъ для насъ тогда, это дало бы Наполеону больше шансовъ уничтожить наше могущество, а за тѣмъ и другое болѣе и болѣе возрастающее, такъ какъ они отлично знали, что онъ намѣревался, разбивъ Россію, разбить и Турцію.

Въ такомъ случаѣ княжества Валахія и Молдавія, составлявшія постоянную цѣль всѣхъ желаній Фанарскихъ грековъ, ради ихъ наживы, пере-

Нѣсколько дней спустя, послѣ прїѣзда Чичагова, Кутузовъ покинулъ насъ и возвратился въ Россію. Новый нашъ главнокомандующій заставилъ насъ пожалѣть о немъ.

Адмиралъ вскорѣ послѣ своего прїѣзда заслужилъ ненависть своей арміи и сдѣлался посмѣшищемъ ея. Чичагову было тогда 45 лѣтъ, онъ былъ не глупъ, если умомъ можно назвать болтливость и говорливость, къ которымъ прибавимъ очень поверхностное образованіе.

Онъ былъ весьма легкомысленъ, голова его ежеминутно изобрѣтала новые проекты, и проекты эти, обыкновенно вздорные и непримѣнимые, надо было приводить въ исполненіе сію же минуту. Онъ не переносилъ ни доводовъ, ни задержекъ въ исполненіи своихъ капризовъ. Этимъ онъ походилъ на Императора Павла.

Онъ не имѣлъ ни одной правильной идеи. Крутость его характера и чрезмѣрное самолюбіе не позволяли ему ни слушать, ни принимать совѣтовъ. Онъ преслѣдовалъ съ необыкновеннымъ упрямствомъ

стали бы содержать ихъ семейства и довели бы ихъ до полного ничтожества, неизвѣстности и нищеты.

Итакъ въ продолженіе 6-ти лѣтъ они сильно терпѣли лишенія. По заключеніи мира, они видѣли два или три года вѣрнаго спокойствія и утѣхи и, всѣ соединенные однимъ интересомъ, они рѣшили стремиться къ одной цѣли и помогать другъ-другу, чтобъ раздѣлить доходъ, который они считывали получить изъ грабежей и лихоимства тѣхъ, на которыхъ палъ выборъ Порты.

Лукавство и настойчивость этихъ Фанаріотовъ восторжествовали надъ предубѣжденіемъ и злобой турокъ и заставили ихъ дѣйствовать противъ ихъ же прямыхъ интересовъ. Галибъ-Ефенди, самый умный человекъ изъ представителей Порты, былъ проведенъ Дмитриемъ Мурузи, который былъ посредникомъ Фанарскихъ грековъ. Наконецъ, султанъ былъ подкупленъ, ему показали груды золота, которое ему впоследствии и дали. Можно себѣ представить, какое громадное желаніе выказали греки скупить эти княжества, когда узнали, что князь Караджи, самый алчный и безстыдный изъ всѣхъ этихъ мерзавцевъ, будучи назначеннымъ княземъ Валахскимъ, послѣ мира, въ теченіе 10 лѣтъ вымогалъ изъ этой несчастной провинціи 93 милліона піастровъ (по тогдашнему 50 милліоновъ рублей). Онъ истратилъ 5 или 6, а 78 увезъ съ собой во время своего бѣгства, а также захватилъ всѣ брилліанты и драгоценности; 70 же милліоновъ перешли султану, его министрамъ и Фанаріотамъ. И эти громадныя подати получались съ той Валахіи, гдѣ генералъ Милорадовичъ не могъ найти возможнымъ, чтобы страна содержала 8.000 русскихъ.

Анекдотъ этотъ, истину котораго я могу подтвердить, можетъ дать понятіе о томъ вліяніи, какое имѣли Фанарскіе греки на турокъ и о ихъ лукавствѣ и интригахъ.

то, что задумалъ въ сумасбродствѣ своего экстравагантнаго воображенія.

Онъ и людей судилъ не лучше чѣмъ факты и всегда относился къ первымъ съ предубѣжденіемъ. Въ теченіе 3-хъ лѣтъ онъ былъ морскимъ министромъ въ Россіи, и при немъ нашъ флотъ пришелъ въ упадокъ. Онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о сухопутной службѣ, и его невѣжество въ нашихъ организаціяхъ и маневрахъ дѣлало его смѣшнымъ ¹⁾.

Характеръ Чичагова вполнѣ гармонировалъ его уму. Онъ былъ суровъ и самостоятеленъ, неблагодаренъ и грубъ; обладалъ всѣми душевными пороками и былъ ужасно сумасброденъ.

То вдругъ онъ дѣлался до фанатизма обожателемъ англичанъ, то до смѣшного привязывался къ французамъ. Единственно его постояннымъ чувствомъ были ненависть и презрѣніе къ родной націи.

Этого презрѣнія онъ никогда не пересталъ выказывать, даже тогда, когда жестокія обстоятельства, въ которыхъ находилась Россія, открыли характеръ ея жителей и солдатъ и обѣщали имъ уваженіе и восхищеніе всей вселенной.

При всемъ этомъ онъ имѣлъ одно драгоценное качество— онъ былъ честенъ и неинтересантъ, онъ придерживался этой добродѣтели въ излишествѣ для себя и для другихъ и заставлялъ многихъ думать, что онъ самъ носилъ въ себѣ пороки вѣка и націи.

Трудно понять, что заставило Императора довѣрить армію этому адмиралу, особенно въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Еще будь онъ надѣленъ природой всѣми талантами и гениемъ, необходимыми для командованія сухопутными войсками; но адмиралъ никогда не могъ пріобрѣсти предварительныхъ знаній и особенно необходимой опытности для этой службы.

Полагали, что наша армія, назначенная прежде дѣйствовать въ

¹⁾ Онъ вздумалъ однажды вызвать одинъ полкъ на равнину Карастрета и командовать имъ. Не было возможности понять ни его командованій, ни его маневровъ. Онъ смѣшалъ весь полкъ, не смогъ его распутать и ушелъ. Сами солдаты не были въ состояніи удержать смѣха, котораго онъ не могъ не слышать. Онъ не зналъ, что палки и пики отъ палатокъ занимаютъ одну сторону въ повозкахъ обоза, предназначенныхъ возить ихъ, и что повозки остаются пустыми, когда войско находится въ лагерь. Я ему показалъ полкъ, который былъ въ превосходномъ видѣ, обратилъ его вниманіе на обозныя повозки, совершенно новыя и въ отличномъ порядкѣ и предложилъ ему поблагодарить полковника. „За что я его долженъ благодарить, отвѣтилъ онъ мнѣ, у него все въ безпорядкѣ и восемь повозокъ еще не окончены“.

Далмаціи вмѣстѣ съ англійскимъ флотомъ, и выбрали адмирала, чтобы командовать обѣими арміями. Но Чичаговъ былъ такимъ же дурнымъ морякомъ, какимъ и сухопутнымъ генераломъ и если проектированная экспедиція имѣла бы подобнаго начальника, мы не могли бы ничего другого услышать, какъ только самыя печальныя извѣстія ¹⁾).

Послѣ своего пріѣзда, адмиралъ Чичаговъ намъ открылъ планъ кампаніи, который онъ хотѣлъ привести въ исполненіе, и отъ котораго онъ былъ повидимому въ восторгѣ. Ни одному человѣку въ голову не могъ придти подобный сумасбродный проектъ злополучнаго плана кампаніи и вообще такой гибельной идеи. Я не могъ узнать, кто былъ авторъ этого плана. Говорили, что эта честь принадлежитъ англичанамъ.

Но для меня непостижимо, какъ могъ подобный проектъ быть принятымъ такимъ умнымъ и образованнымъ человѣкомъ, какимъ былъ Императоръ Александръ, а тѣмъ болѣе такимъ знаменитымъ военнымъ, какъ Барклай-де-Толли, бывшій тогда военнымъ министромъ.

Намъ было приказано перейти Сербію, Боснію и идти къ устьямъ Котаро, которую надо было взять; затѣмъ намъ велѣно было соединиться съ англійскимъ флотомъ и напасть на французскія завоеванія въ Италіи, чтобы отвлечь вниманіе Наполеона и заставить его прислать туда часть его войскъ. Ничего не было приготовлено для этой экспедиціи; надо было идти на удачу, просить провіанта у сербовъ, которые не могли снабдить 50.000 человѣкъ, или брать его у босняковъ, которые не давали намъ его и могли насъ задержать въ своихъ ущельяхъ и горахъ, гдѣ бы мы себя чувствовали заключенными.

Я не стану распространяться объ этомъ проектѣ столь безразсудномъ и странномъ; подробности можно найти въ прилагаемыхъ (юридическихъ запискахъ) мемуарахъ, которые я написалъ, какъ только узналъ объ предполагаемой экспедиціи.

---

¹⁾ (1827) Полагали и не безъ основанія, что Императоръ очень привязался къ Чичагову, когда онъ вернулся изъ Парижа, и что графъ Аракчеевъ, не терпѣвшій соперника въ благосклонности своего повелителя, убоился, увидѣвъ такового въ лицѣ адмирала и, благодаря всему этому, Чичагову поручено было командовать арміей, чтобы удалить его изъ Петербурга. Каковъ расчетъ!

Послѣ войны съ Франціей, Чичаговъ, обезпеченный пенсіономъ въ 60.000 рублей, вернулся жить въ Парижъ и съ самымъ гадкимъ либерализмомъ клеветалъ и рассказывалъ о разныхъ несправедливостяхъ про свою родную и про своего повелителя.

Вотъ какимъ образомъ они попали къ Императору. Мы всѣ были въ отчаяніи, но никто изъ насъ не могъ открыть глаза Государю, ни у кого не хватило настолько присутствія духа, а Чичаговъ открывалъ всѣ письма.

Я отправилъ свои мемуары въ Одессу, къ герцогу Ришелье, черезъ свою жену, которая уѣхала туда на время войны противъ Наполеона. Ришелье отослалъ ихъ Императору, который ему отвѣтилъ: „Я прочелъ мемуары Ланжерона, онъ хорошій патриотъ“ и послалъ Чичагову приказъ идти въ Польшу. Но прежде чѣмъ получить этотъ приказъ, нашъ морякъ занималъ насъ своими сумасбродными выходками. Ознакомившись съ трудностями питанія арміи во время похода въ Боснію, онъ изобрѣлъ какія-то лепешки изъ бульона, для чего зарѣзали всѣхъ быковъ, бывшихъ въ походныхъ гуртахъ, и всѣ кашевары были потребованы для изготавленія этого бульона. Я полагаю, что адмиралъ Чичаговъ можетъ похвастаться тѣмъ, что онъ былъ единственный генералъ, которому подобная мысль могла придти въ голову.

Приказъ о походѣ въ Польшу спасъ насъ отъ необходимости бесполезно погибать въ Босніи, а бульонъ адмирала пришлось бросить, хотя на изготавленіе его пошло 2 или 3 тысячи быковъ, лишеніе которыхъ для насъ было сильно замѣтно въ нашемъ походѣ. Чичаговъ выдумалъ еще (фантазіямъ его не было предѣловъ) дать кавалеріи кирасы изъ соломы. Онъ приказалъ сдѣлать модели: изрубленное сѣно клали въ большомъ количествѣ между двумя кусками полотна и зашивали ихъ, затѣмъ весь этотъ пакетъ привязывался на грудь кавалеристу, который тогда дѣлался похожимъ на полишинеля. Это сумашествіе не могло долго продолжаться, такъ какъ лошади съѣли латы его выдумки. Миръ съ турками былъ заключенъ и утвержденъ. Валахія была отдана туркамъ, что же дѣлаетъ Чичаговъ? Онъ вздумалъ сформировать ополченіе, чтобы идти въ Италію, и захотѣлъ набирать рекрутовъ изъ чужого государства. Ополченіе это уничтожилось такъ же, какъ и бульонъ и латы. Вестіару-Варлааму эти странныя реформы стоили очень дорого.

За нѣсколько дней до похода въ Польшу, Чичаговъ призвалъ Варлаама и всѣхъ помощниковъ и объявилъ великимъ визиремъ одного молодого боярина, который еще не пріобрѣлъ права носить бороду, служившую знакомъ отличія для лицъ 1-го класса. Этого вельможу звали Нейчулеско. Въ общемъ это былъ чудный выборъ.

Наконецъ въ іюль мѣсяцѣ, мы двинулись въ Польшу, и на этомъ я кончаю исторію этой войны. Я участвовалъ съ нашей арміей въ 3-хъ новыхъ ужасныхъ кампаніяхъ, которыя мы вели

противъ Наполеона. Такъ окончилась 7-ми лѣтняя война, эта война, предпринятая такъ легко, безъ всякаго благовиднаго повода, и, если я смѣю сказать противъ добросовѣстности, противъ здоровой политики и даже противъ интересовъ Россіи, война, которая ничего не создала и только послужила поводомъ къ раздачѣ множества крестовъ и чиновъ, въ большинствѣ случаевъ очень скверно распре- дѣляемыхъ.

Эта война была такъ же гладко ведена, какъ и неудачно задумана, въ ней 6 генераль-аншефовъ ¹⁾ соперничали въ своихъ ошибкахъ и интригахъ, война эта, гдѣ 80.000 или 100.000 русскихъ не могли побѣдить 40.000 турокъ, окончилась все же весьма счастливо, тѣмъ болѣе въ то время, даже неожиданно ²⁾.

Она намъ стоила 3-хъ главнокомандующихъ, 23 генерала ³⁾, и множество лучшихъ офицеровъ, а также 150.000 славныхъ солдатъ, изъ которыхъ 30.000 легли отъ огня непріятеля, а остальные погибли въ госпиталяхъ.

Въ моей работѣ, я въ деталяхъ упоминалъ о злоупотребленіяхъ, производившихся въ нашей арміи, и о потеряхъ доходовъ, которые должно было имѣть государство. Я хочу только прибавить къ этому нѣсколько краткихъ разсужденій.

Денежные расходы были такъ же огромны, какъ и потери въ людяхъ; я уже не беру въ счетъ того, какъ быстро упали деньги въ бумагахъ, что можно было приписать специально турецкой войнѣ. Перерывъ и даже полное прекращеніе нашей торговли въ Черномъ морѣ.

Я скажу только то, что касается арміи и администраціи этихъ 3-хъ завоеванныхъ провинцій.

Одно содержаніе арміи стоило Россіи около 30 мил. рублей въ

¹⁾ Изъ 7 генераль-аншефовъ, командовавшихъ арміей въ теченіе 7 лѣтъ, я одинъ не имѣлъ времени сдѣлать столько глупостей, какъ другіе.

²⁾ Въ кампаніяхъ 1806, 1807, 1811 и 1812 г. г. мы имѣли не болѣе 40.000 въ строю; въ 1808, 1809 и 1810 г. г. мы ихъ имѣли болѣе 120.000.

³⁾ Вотъ перечень генераловъ, которыхъ потеряла армія: Генераль-маіоры: Ставицкій, Попандоуло, Сиверсъ, Новицкій, Гинкель—убиты. Главнокомандующіе: Князь Прозоровскій, Михельсонъ, графъ Н. Каменскій.— Генераль-лейтенанты: Князь Суворовъ, князь Гика.— Генераль-маіоры: Герардъ, Мичуринъ, Фреденъ, Уланіусъ, Ловейко, Вайновичъ, Потаповъ, Ребиндеръ, Жилинскій, графъ Цукато, Бергеръ, Шлеттеръ, Перскій, Давыдовъ, Исаевъ, князь Василій Долгоруковъ,—умерли или погибли по случайности. Изъ нихъ Попандоуло, гр. Сиверсъ, Новицкій, Жераръ, Уланіусъ, гр. Цукато, Исаевъ и Шлеттеръ—были громадными потерями для арміи 22-ая дивизія, которой я командовалъ, потеряла одна 254 офицера и 10.160 солдатъ.

годъ; страшныя злоупотребленія и постыдныя воровства въ госпиталяхъ, въ комиссаріатѣ также и изъ запасовъ, поглощали большую часть суммъ изъ государственной кассы.

Тогда, какъ, если бы наши служащіе иначе относились бы къ администраціи и больше бы думали о благѣ ввѣренныхъ имъ провинцій, нежели бы пользовались всѣмъ сами, то страна могла бы не только покрыть всѣ издержки арміи, но даже бы пополнять нашу казну, какъ я уже замѣтилъ.

Французы и особенно австрійцы, чудные администраторы, не преминули воспользоваться этимъ въ войну 1788 г. Если бы эти двѣ провинціи были бы управляемы людьми изъ той или другой націи и не были предаваемы невѣжеству, алчности, безнравственности ихъ бояръ, онѣ легко могли бы давать 3 мил. дукатовъ въ годъ.

Таможни въ Малой Валахіи, Бессарабіи, Галацѣ и въ Силистріи, которыя въ продолженіе 5 лѣтъ совсѣмъ не эксплуатировались, или вѣрнѣе были забыты, могли бы приносить ежегодно до 500.000 дукатовъ.

Одни бы соляные заводы въ Бессарабіи могли бы приносить губерніи 20 или 30 мил., если бы были хорошо управляемы. Сначала они были разграблены арміей, потомъ Диванъ Молдавіи установилъ самыя низкія цѣны, а затѣмъ Тучковъ удалилъ или напугалъ всѣхъ появившихся промышленниковъ и пользовался почти всѣмъ самъ.

Генераль Милорадовичъ, которому было поручено управлять обѣими Валахіями, велъ финансовыя дѣла Императора, какъ свои собственныя. Онъ позволялъ своимъ фаворитамъ и окружающимъ его валахамъ и грекамъ дѣлать все, что имъ угодно, и весь доходъ съ таможенъ переходилъ въ руки разнымъ разбойникамъ Филипеско, Факази и др.

Въ 1809 г. Безакъ и Корнелли скупили всю рожь въ Болгаріи и собрали всѣ доходы Галацкихъ таможенъ, а то, что не было взято ими, было промотано другими. Корнелли воспользовался также доходами Силистріи въ 1811 г.; генераль Зассъ, которому, впрочемъ, обязаны открытіемъ золотого источника и таможенъ Малой Валахіи, со своими друзьями Штрадманомъ, Косовскимъ и т. д. захватилъ болѣе 10.000 дукатовъ дохода съ этихъ таможенъ. Въ 1812 г. генераль Кутузовъ вмѣсто того, чтобы учредить таможню въ Зимницѣ въ пользу Императора, представилъ денежную выгоду семьѣ своей маленькой султанши.

Во время перемирія 1807, 1808 и 1809 г.г. совершенно забыли воспользоваться огромнымъ доходомъ за провозъ товаровъ, который продолжался въ теченіе 2-хъ лѣтъ.

Я не подсчитываю особенно тщательно всей смѣты потерь, которая вынесла Россія въ эту войну, какъ отъ неудачнаго выбора ея представителей, такъ и отъ ошибочныхъ ихъ дѣйствій, а также и отъ алчности ихъ агентовъ грековъ, валаховъ и др. Такихъ теперь можно насчитать 20 милліоновъ дукатовъ или 22 милліона рублей. Половины этой суммы было бы достаточно для содержанія арміи, 10 милліоновъ могли пойти въ Государственную кассу, а между тѣмъ я полагаю, что на наши 7 кампаній пошло болѣе 200 милліоновъ рублей.

Сообщилъ Е. Каменскій.

Заканчивая печатаніемъ записки Ланжерона, преисполненныя мѣстами высокаго историческаго интереса, редація считаетъ долгомъ отмѣтить, что на тѣхъ страницахъ, гдѣ Ланжеронъ пишетъ о главнокомандующихъ русской арміей, дѣйствовавшей противъ турокъ, онъ очень часто не соблюдаетъ историческаго безпристрастія и сгущаетъ отрицательные отзывы о личности и дѣйствіяхъ того или другого главнокомандующаго.

Подробное изложеніе фактовъ заняло бы очень много мѣста, да и не входитъ въ задачу редакціи, и эта замѣтка появилась лишь потому, что записки касаются личности Кутузова и исторической оцѣнки его дѣйствій; теперь, по прошествіи столѣтія, событія эти могутъ получить вполне безпристрастную оцѣнку.

Редація печатаетъ безъ всякихъ сокращеній всѣ навѣты Ланжерона на Кутузова.

По словамъ Ланжерона, Кутузовъ всѣмъ своимъ успѣхомъ обязанъ только одному счастью. „Въ сущности, пишетъ онъ, его офицеры и его армія спасли обѣ Валахія и плѣнили неприятельскую армію съ 70 пушками“.

Заключеніе мира въ апрѣлѣ 1812 года изображается въ запискахъ такимъ образомъ: „Счастье и тутъ помогло ему“...

„Къ нашему большому удивленію и радости миръ былъ заключенъ Кутузовымъ въ концѣ апрѣля“.— „Этотъ миръ будетъ для меня загадкой“. „Если бы, пишетъ Ланжеронъ, не постоянное счастье Россіи, а также и Кутузову, торжествовавшему при всѣхъ обстоятельствахъ“... „Миръ никогда бы не былъ заключенъ“.

По словамъ Ланжерона, ошибки Кутузова состояли въ томъ, что онъ „въ ноябрѣ мѣсяцѣ не подписалъ мира на полѣ сраженія“. Это было въ 1811 году, а 4 января 1812 года Ланжеронъ предложилъ Кутузову—„перейдя Дунай, взять Русшукъ“. На это Кутузовъ

не согласился и, какъ было сказано выше, въ апрѣлѣ 1812 г. заключилъ миръ.

Далѣе Ланжеронъ пишетъ: „Кутузовъ былъ осужденъ Дворомъ“— „Ему не дали ни чина фельдмаршала, ни ленты Св. Георгія I степени, которую онъ могъ просить по статуту“.

Относительно расположенія Императора Александра I къ Кутузову Ланжеронъ пишетъ: „Императоръ никогда не выносилъ его“.

При чтеніи сказаній Ланжерона невольно возникаетъ вопросъ, что же сдѣлалъ для Россіи этотъ, по словамъ Ланжерона, „пьянствующій и безпутный старикъ“?

Не входя въ разсмотрѣніе вопроса, на сколько эти грѣхи Кутузова вредили Россіи, мы совершенно безпристрастно можемъ сказать, что Кутузовъ въ апрѣлѣ 1812 года передъ вторженіемъ Наполеона сохранилъ въ полной цѣлости для Россіи всю Дунайскую армію (не потерявъ ни одного солдата на предлагаемый Ланжерономъ штурмъ Рушука) и заключилъ съ Турціей почетный для Россіи Бухарестскій миръ въ самое нужное и необходимое для отечества время.

Чтобы совершить эти великія дѣла несомнѣнно Кутузову мало было одного только счастья, и необходимы были очень многія другія качества, о которыхъ Ланжеронъ совсѣмъ не упоминаетъ.

Отъ описываемыхъ Ланжерономъ событій прошло почти сто лѣтъ, и въ настоящее время врядъ-ли найдется человѣкъ, кто возьметъ камень и броситъ въ памятникъ Кутузову за то, что онъ сильно любилъ М-те Гуліани.

Въ самыхъ запискахъ Ланжерона не можемъ ли мы найти причины нерасположенія Ланжерона къ русскимъ главнокомандующимъ и въ особенности къ Кутузову.

Въ одномъ изъ примѣчаній въ окончаніи записокъ Ланжеронъ пишетъ: „Изъ семи генераль-аншефовъ, командовавшихъ арміей въ теченіе 7 лѣтъ, я одинъ не имѣлъ времени сдѣлать столько глупостей, какъ другіе“.

И при всемъ этомъ, прибавимъ мы, Ланжеронъ не былъ назначенъ главнокомандующимъ—не диктовало ли оскорбленное самолюбіе такіе оскорбительные и несправедливые отзывы о Кутузовѣ, закончившимъ почетнымъ и столь необходимымъ для Россіи миромъ много-лѣтнюю русско-турецкую войну.

Ред.